

Ирина
Серебренникова

И снова о классике

Эссе

Ирина Серебренникова

И снова о классике. Эссе

«Издательские решения»

Серебренникова И.

И снова о классике. Эссе / И. Серебренникова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832062-0

Предлагаемые эссе ближе всего соотносятся с литературной критикой и литературоведческими заметками, а порой принимают форму очерка или статьи. Надеемся, что собранный в этой книге материал заинтересует читателя, пытающегося самостоятельно осмыслить различные пласты художественной литературы. Книга может оказаться полезной школьникам и студентам.

ISBN 978-5-44-832062-0

© Серебренникова И.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
I	8
Как хороши, как свежи были розы...	8
Молитва	12
Два стихотворения о любви	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

И снова о классике

Эссе

Ирина Серебренникова

Редактор Наталья Нутрихина

© Ирина Серебренникова, 2019

ISBN 978-5-4483-2062-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ирина Глебовна Серебренникова

От автора

Человеческий ум пытлив и любознателен. Всё окружающее его неведомо и интересно, всё для него загадка. И к разгадке этих тысяч, миллионов больших и маленьких загадок стремилось человечество на протяжении всего своего существования.

Человек по природе своей творец. Познавая, изучая, он не может не создавать. Великое свойство созидания присуще людям, и это выделяет их из всего окружающего мира.

Человек по природе своей художник, и во всех его творениях в той или иной мере присутствует художественное начало. Гений одних дал нам бессмертные полотна, звуки, образы, покоряющие умы и сердца, художественный вкус других незаметно украсил нашу жизнь. Нет такого человека, которому было бы чуждо чувство прекрасного, нет и не может быть, потому что прекрасное в самой жизни, в природе, во всём, что окружает нас.

В «Рассуждении о науках и искусствах» на вопрос Дижонской Академии: «Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов?» – великий мыслитель XVIII века Ж.-Ж. Руссо дал отрицательный ответ.

Было бы неоправданной смелостью полемизировать с одним из выдающихся просветителей. Но можно ли согласиться со всеми доводами? Это значило бы признать их правоту и утвердиться в парадоксальной мысли, что науки и искусства повергают народы в рабство, закрепощают их, развращают нравы.

«Необходимость воздвигла троны, – науки и искусства их утвердили».

Утвердили? – Потрясали троны, низвергали властителей, будили дух и волю, объединяли и вели за собой самых лучших, самых смелых и просвещённых представителей своей эпохи.

Убийственный смех Мольера, смелый вызов Радищева, обличающие полотна передвижников, страстные звуки «маэстро революции» Джузеппе Верди, – вот что заставляло бледнеть тиранов и поработителей.

Вспомним «Марсельезу» Руже де Лилля, гения одной ночи, как назвал его Стефан Цвейг. До каких высот поднимается художник, осененный великой идеей свободы и независимости!

Не блеск и роскошь дворцовых залов, не напыщенная важность «великого» короля, а Свобода на баррикадах вдохновила кисть Делакруа. А Греция, вдохновенная Греция, давшая нам образцы творений столь высокие, что вряд ли возможно подняться до них, Гимн свободному человеку, сильному и прекрасному, идеи добра и справедливости, подвиги ради освобождения народа находим мы в древнем эпосе и классической скульптуре.

Просвещение вывело человека из тьмы, рассеяло мрак, окружавший его. Образование и воспитание изменило его манеры, научило сдерживать порывы, обуздывать желания. Человек уже не действует по первому побуждению, а обдумывает свои поступки, предвидя их последствия. Но можно ли сказать, что

«... в нравах воцарилось пошлое и обманчивое однообразие, и кажется, что все умы отлиты по единому образцу?»

Образование расширяет кругозор, оттачивает мысль; знакомство с искусствами развивает художественный вкус. Человек просвещенный богат духовно; он интересен для окружающих. И это богатство человек ставит превыше всего.

Уважение к достижениям народов, к вершинам ранней цивилизации – одна из лучших традиций просвещения.

И не столь трудно под маской добропорядочности английского посла, выломавшего скульптуры Парфенона – бессмертные творения Фидия, пережившие 25 веков, узнать хищную лапу гитлеровцев, этих варваров XX века, разоривших янтарный кабинет в Пушкинском дворце.

Спасение сокровищ Дрезденской галереи русскими солдатами – не лучший ли это пример высокой морали?

Настоящий художник связан с народом, творит для него и в творчестве своём прислушивается к голосу народа.

Жизнь, чаяния народные, его горести, радости, его представления и мечты – вот благодатнейший и благодарнейший источник вдохновения художника.

Живительные силы этого источника находим мы в поэзии Пушкина и Роберта Бёрнса, прозе Толстого и Диккенса, полотнах Репина и Рембрандта, музыке Глинки и Бизе.

Постановка и разрешение общечеловеческих проблем: любви, дружбы, чести, сопротивления злу, торжества разума и справедливости обессмертили творения Шекспира.

«Держать, так сказать, зеркало перед природой, показывать доблести её истинное лицо и её истинное – низости, и каждому веку истории – его неприкрашенный облик», – это понимание задач театра, вложенное Шекспиром в уста Гамлета, можно смело перенести на все виды искусства.

Для каждого поколения свойственно стремление к новому. Проходят века, меняются формы, стили. Но лучшие традиции искусства, его задачи остались прежними.

«Воспроизведение жизни, её объяснение, произнесение приговора».

К этому определению Н. Г. Чернышевского добавлю: воспитание молодого поколения, провозглашение передового будущего.

Художник должен быть впереди своего времени, чтобы не остаться позади.

I

Как хороши, как свежи были розы... Судьба одной строки

Есть поэтические строки, которые не только остаются в памяти встретившихся с ними однажды, но и вызывают поэтический отклик собратьев по перу.

Такова строка:

«Как хороши, как свежи были розы...», известная, в основном, по стихотворению в прозе И. С. Тургенева. Строка эта заимствованная, в чем писатель сразу и признается, не называя, впрочем, первоисточника.

Тургенев – не единственный литератор, чье внимание привлекла эта первая строчка стихотворения И. П. Мятлева «Розы».

I. Иван Петрович Мятлев (1796 – 1844)

Человек богатый и родовитый, прожил свой век завсегдатаем светских и литературных салонов, где пользовался славой присяжного остряка, автора забавных куплетов, эпиграмм, шуточных импровизаций.

Наибольшую известность получила его сатирическая поэма «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границей – дан л'этранже», написанная в период с 1840-го по 1844 год. В поэме с неподдельным юмором высмеяны характеры и нравы среднедворянского общества.

Мятлев-лирик писал романсы и элегии. Самое лучшее и памятное из лирических стихотворений – «Розы» – создано в 1834 году. Элегия начинается восторженным описанием роз, столь любезных сердцу лирического героя, взлелеянных и оберегаемых им.

Однако заветные цветы сорваны и преподнесены прелестной деве, достойной этого дара. Она – царица в венке из свежих цветущих роз, вокруг нее вьются радость и любовь.

Ей счастье долгое сулил, казалось, рок.

В этой строке появляется что-то тревожащее. «Казалось» – выражение неуверенности; «рок» – не может сулить долгого счастья, напротив, он – носитель неотвратимой беды.

Действительно, две заключительные строки звучат трагически:

И где ж она? ... В погосте белый камень,
На камне – роз моих завянувший венок.

II. Иван Сергеевич Тургенев (1818 – 1883)

На склоне лет создал единственный в своем роде цикл «Стихотворения в прозе». Из пятидесяти одной миниатюры, написанной в период с февраля 1878-го по июнь 1882 года, одна из наиболее проникновенных вдохновлена первой строчкой мятлевской элегии:

«где-то, когда-то давным давно тому назад я прочел одно стихотворение.

Оно скоро позабылось мною... но первый стих остался у меня в памяти:

КАК ХОРОШИ, КАК СВЕЖИ БЫЛИ РОЗЫ...»

Этот стих стоит в заглавии и проходит рефреном от начала до конца миниатюры.

Пожилой одинокий человек в ненастную зимнюю пору мысленно обращается в прошлое, в годы юности.

Перед ним появляется пленительный образ девушки с простодушно-вдохновенными задумчивыми глазами, следящей из окна летним вечером за появлением первых звезд. И весь дом, наполненный когда-то веселым шумом семейной деревенской жизни: молодые добрые голоса, звуки старенького пианино, воркотня патриархального самовара...

Тем печальнее возвращение в сумеречное настоящее. Дом холоден и пуст. Все умерли, умерли... Единственный товарищ – старый пес – жметя у ног хозяина.

Как хороши, как свежи были розы...

В этой строке, такой лиричной, такой запоминающейся, звучит печаль; в ней – заданность, предопределенность конца.

Розы хороши и свежи, но они были хороши, были свежи. То есть, это строка – воспоминание о том, что было. Поэтому так остро воспринимается их нынешнее состояние. Розы увяли – это неизбежно, и вместе с ними утрачено все, что было когда-то, подобно цветам, прекрасным и свежим.

В мятлевской элегии это умершая возлюбленная лирического героя. Для Тургенева – короткое цветение и свежесть роз, одиночество и близость ухода.

III

Выйти из атмосферы обреченности, заданной мятлевской строкой, попытался поэт, известный нам под инициалами К.Р. (великий князь Константин Константинович Романов – 1858—1915).

Личность, разносторонне одаренная, К.Р. был не только поэтом, но и актером, музыкантом и переводчиком.

Для офицеров Измайловского полка им были организованы «Измайловские досуги» – своего рода литературно-музыкально-театральное объединение. К состязанию «Измайловских досугов» на тему из «Стихотворений в прозе» И. С. Тургенева и появилось в декабре 1886 года стихотворение К.Р. «Розы».

Примечательно, что, не чураясь мятлевской строки, поэт развивает тему Тургенева – тему своей собственной судьбы в ауре прекрасных свежих роз.

Три строфы четко разграничивают время: было, есть, будет.

Первая строфа – обращение к молодости, безоблачной и беззаботной жизни, когда благоухали цветы, сияла луна, пел соловей и т. д.

«КАК ХОРОШИ ТОГДА, КАК СВЕЖИ БЫЛИ РОЗЫ!»

Настоящее не столь безоблачно. Поэт упоминает о бедах и печалях, встретившихся на его пути. Но эти скорби не погасили в нем оптимизма.

Большая часть второй строфы – это обращение к подруге («мой друг»): не унывать, взглянуть на прекрасный божий мир, душистый сад, снова увидеть

«КАК ХОРОШИ *ТЕПЕРЬ*,
КАК СВЕЖИ ЭТИ РОЗЫ!»

В третьей строфе надежда на счастливые перемены звучит еще увереннее. За выстраданное воздастся сторицей, вернется то, что уже было раньше: расцветшие долины, кроткая луна, соловьиный рокот. И, как заключительный аккорд:

«КАК ХОРОШИ *ТОГДА*,
КАК СВЕЖИ БУДУТ РОЗЫ!»

Так из символа печали и мрачных предчувствий свежие розы превратились в символ надежды, чистой непреходящей красоты, которой не грозит увядание.

IV

Одно из светил Серебряного века Игорь Северянин (Игорь Васильевич Лотарев – 1887—1941), провозглашенный «королем поэтов» 27 февраля 1918 года на поэзовечере в Политехническом музее в Москве, – также внес свой вклад в историю знаменитой строки.

В марте 1918 года он навсегда покинул Россию и в 1921 году принял эстонское гражданство.

Во второй половине своей жизни Игорь Северянин возвратился от изысканно-иронических поэт к изначально провозглашенному им «примитиву» и «открытости».

«ЧЕМ ПРОЩЕ СТИХ, ТЕМ ОН ТРУДНЕЕ...»

«КЛАССИЧЕСКИЕ РОЗЫ» были написаны в 1925 году и вошли в сборник стихов того же названия, выпущенный в 1931 году в Белграде.

Вряд ли можно назвать случайным рождение этого шедевра. Тема утраченной родины становится одной из главных в творчестве поэта – полубеженца, полуэмигранта.

Эпиграф к стихотворению – первая строфа мятлевской элегии. Чисто формально оно пересекается с «розами» К.Р.: три строфы, три времени – были, ныне, будут.

Но лаконизм, простота, ясность соединены с такой глубиной мысли; трагизм с таким светлым оптимизмом, что к этому небольшому стихотворению хочется возвращаться снова и снова. Стихи положены на музыку уже в наше время (композитор Олег Иванов) и вошли в репертуар лучших современных исполнителей.

В стихотворении Игоря Северянина собственная судьба поэта переплетена с судьбой страны, его родины, неотделима от нее. В нем и грусть по ушедшему, когда в сердцах людей роились ясные грезы, и короткая констатация трагических перемен в стране. Цветы превратились в «розы воспоминаний о минувшем дне». Кстати, розы эти – не увядшие; они также хороши и свежи, как раньше.

Проходит время, и появляется надежда на возрождение страны. «ВЕРНУТЬСЯ В ДОМ РОССИЯ ИЩЕТ ТРОП...»

Но самому поэту уже нет места в этом новом доме. Как многие творцы, он предчувствует свою кончину. И снова поворот – его не будет, но страна не отвергнет поэта. Она помнит о нем, любит его и достойно почитает его память.

«КАК ХОРОШИ, КАК СВЕЖИ БУДУТ РОЗЫ, МОЕЙ СТРАНОЙ МНЕ БРОШЕННЫЕ В ГРОБ!»

Эти строки выбиты на могильном памятнике поэта, которому не грозит забвение, на Александро-Невском кладбище в Таллине.

V

Все любители поэзии, без сомнения, должны быть признательны И. Мятлеву за то, что свое элегическое воспоминание о рано оставившей его возлюбленной он начал такой проникновенно-щемящей строкой.

Эта строка, вдохновившая И. С. Тургенева, сопровождает горькие размышления писателя об уходящей жизни тихой печальной мелодией и придает «Стихотворению в прозе» лиризм и поэтичность.

Конкурсный опыт К.Р., поэзия которого грешит вторичностью и изобилует «общими местами», интересен, однако тем, что автор воспротивился минорности строки и попытался повернуть ее на мажорный лад, «не дал розам увянуть». И в этом смысле предварил северянинские «классические розы», ставшие, по моему мнению, апофеозом, строки

«КАК ХОРОШИ, КАК СВЕЖИ БЫЛИ РОЗЫ...»

Молитва

*В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.*

В этом удивительном произведении Михаил Юрьевич Лермонтов не приводит текста молитвы, не называет того, к кому она обращена. Читателю представляется возможность воссоздать в своем воображении моление, в котором «созвучье слов живых» дышало бы святошью, обладало силой благодатной.

Само по себе обращение к литературному жанру молитвы представляется явлением необычайным. Поэт беседует не наедине со Всевышним, поверяя ему свои сомнения и упования. Не повторяет слов молитвы в Божьем храме вместе с другими молящимися. Но исповедально обращается к миру себе подобных, им адресует поэтические страницы, доверяет свою боль, переживания, надежды и ожидает понимания, поддержки и ответного сочувствия.

Дмитрий Веневитинов (1805 – 1827), активный деятель кружка «любомудров», за год до своей ранней смерти обратился в стихах к невидимому хранителю души. Его желание, его чаяние – уберечь свою обитель, свою душу от обольщения, лени, зависти, лжи и коварства, воспитать в ней «огонь возвышенных страстей» («Моя молитва», 1826).

Вот еще одна молитва М. Ю. Лермонтова. Она полна нежности и любви. Поэт вручает Божией матери, «теплой заступнице мира холодного», достойную душу невинной девы.

В тяжелые для России годы Первой мировой войны голоса русских поэтов вливаются в общий хорал молитв русских людей о жизни воинов, о победе на поле брани.

Такова «Молитва матери» Сергея Есенина, в которой соединены и тревога за жизнь солдата, и гордость за его ратный подвиг.

Поистине трагического звучания полна «Молитва» Анны Андреевны Ахматовой. Ради Отечества поэтесса готова на непомерные жертвы: ей не страшно перенести годы недуга, потерять друга и даже ребенка, лишиться своего «таинственного песенного дара», лишь бы

Туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей.

В шестидесятые годы XX столетия Булат Шалвович Окуджава создал свою «Молитву Франсуа Вийона». Обращение к Господу, прозвучавшее от имени поэта средневековой Франции с подкупающей подлинностью интонаций Вийона, оказалось понятным и близким нашим современникам.

Это он, вечно голодный бездомный Франсуа, просит дать «каждому, чего у него нет». Это он, изгнанный отовсюду и немало претерпевший от сильных мира сего, смешивает сарказм с великодушием: «дай рвущемуся к власти навластвовать всласть». И кто, кроме автора «Баллады повешенных», мог обращаться к Всевышнему с казалось бы недопустимой просьбой: «Каину дай раскаянье!»

Поистине единые устремления и гуманизм высокого поэтического духа не знают границ времени и пространства, преодолевают национальные и конфессиональные различия.

И если Вийон верит:

Наш вседержитель благ, я это знаю,
И с верой сей мне жить и умереть,

то и Окуджава заканчивает свою молитву утверждением:

...верит каждое ухо тихим речам твоим,
Как веруем и мы сами, не ведая, что творим.

Уже в нашем, XXI веке свою молитву сотворил поэт Евгений Макаров. Это, прежде всего, покаянная исповедь человека, понимающего сколько вреда принесено людьми окружающей природе их варварским отношением к лесам и обитателям лесов, их губительными проектами преобразования (реки вспять, смрадные заводы и т. д.).

Высок эмоциональный накал «Молитвы прощения». Речь идет уже о нравственном падении людей, их бездуховности. Автор осознает и свою собственную причастность к тем преступлениям, тем черным деяниям, что были совершены в нашей стране в прошлом веке и не изжиты до настоящего времени. Он чувствует личную ответственность за то,

...что жили без забот,
За всех бомжей и всех сирот,
За опустевшие деревни,
За наш язык забытый, древний...

Последнее тем более актуально, что «Молитва прощения» появилась в печати в 2007 году, объявленном Годом русского языка. Обращаясь с покаянием к Святой Руси, поэт самым большим грехом считает забвение дороги в Храм, забвение Бога. Сотворенная молитва очищает душу, дает уверенность, что просьба будет услышана:

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко...
(М. Ю. Лермонтов, 1839 г.)

Два стихотворения о любви

Русская поэзия полна звуков любовной лирики, которая воспекает удивительное чувство, приносящее столько надежд, радости, а порой и разочарования.

Восхитительные поэтические портреты возлюбленных, тончайшие нюансы душевных движений влюбленных, искренность чувств от мимолетных увлечений до той любви, что выпадает человеку один раз и остается с ним на всю жизнь.

Этот год знаменателен двумя датами в культурной жизни страны: 215 лет со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина и 200 лет со дня рождения Михаила Юрьевича Лермонтова.

Вспоминаются два лирических стихотворения поэтов, так по-разному выразивших свои чувства, но в одинаковой мере вызывающих и в наше время восхищение и сопереживание.

А. Пушкин

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем...

Всего восемь строк признания, прощания и... благословения. Сознавая, что любовь в его душе угасает, поэт отваживается на это признание – единственное – первое и последнее. Как бы мимоходом он упоминает о своих переживаниях:

Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим...

Но это не главное – поэт заботится о том, чтобы своим признанием не потревожить, не опечалить ту, которую любил и еще любит:

Я не хочу печалить вас ничем.

Так бережно может обращаться к женщине человек, который знает цену любви, умеет беречь и хранить воспоминание о ней.

В заключительных строках душа поэта раскрывается полностью:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.